

УДК 328.36

МОДЕЛИ ИСЛАМО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ТАТАРСТАН И ДАГЕСТАН

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследуются различные виды постсоветской исламской политики в двух регионах России: Дагестане и Татарстане. Сопоставление этих двух исламских ареалов отражают наиболее очевидные различия в характере постсоветского мусульманского возрождения и политизации ислама. Автор доказывает, что в России формируются разные исламы, не позволяя говорить о складывании единой мусульманской уммы. Это обстоятельство не только открывает возможность осмысления различных исламо-политических феноменов, но также делает в перспективе вероятным столкновение разных исламов в Поволжье: татарско-старожильческого и мигрантско-кавказского.

Ключевые слова: ислам в Татарстане и Дагестане, характер мусульманского возрождения, региональные исламо-политические особенности, столкновение исламов.

The Models of Islamic Political Transformation in Post-Soviet Russia: Tatarstan and Dagestan

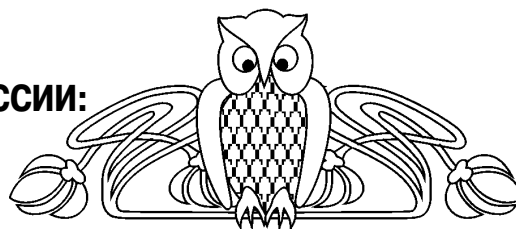
D. G. Mirzakhanov

In article studies different types of post-Soviet Islam politics in two crucial Muslim republics: Dagestan and Tatarstan. The comparative analysis of these Muslim areas reflects deep differences in nature of post-Soviet Islamic renaissance as well as Islamic politization. The author argues that in modern Russia is rising «different Islams». This perspective opens probability to clash between «different Islams»: local Tatars-countrymen communities and diaspora-Caucasian communities.

Key words: Islam in Tatarstan and Dagestan, nature of Muslim renaissance, regional specific of Muslim development, clash of Islams.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-96-99

Постсоветский период стал временем динамичного развития исламского сообщества на территории современной России. Отечественное исламское сообщество, будучи сложным явлением со множеством феноменологических характеристик, неоднородно, прежде всего, по своей социально-территориальной организации. Такой подход привел к появлению исследований, анализирующих два основных центра мусульманского развития – Дагестан и Татарстан. Сравнительный анализ развития ислама в этих двух ареалах стал весьма популярным и уважаемым сюжетом в научной литературе¹. Это особенно актуально в связи с тем, насколько активно используется исламский фактор в технологиях «цветных» революций в различных регионах мира².

В статье исследованы различные виды постсоветской исламской политики в двух регионах России: Дагестане, Татарстане. Данная работа основана на допущении, что сопоставление этих двух исламских ареалов даст возможность осмыслить различия в характере постсоветского мусульманского возрождения.

Татарстан: модель ислама, патронируемого государством

Татарстан представляет собой центр исламского возрождения в Поволжье. В то же время он является «полумусульманским» регионом с высокой долей неисламского населения, в первую очередь православного. Самооценка Татарстана как «колыбели российского ислама» восходит к истории – к 922 г., ко времени принятия ислама Волжской Булгарией. Сегодня в Татарстане действует более тысячи мечетей, примерно такое же количество религиозных общин, а также развитые мусульманские институты и исламская социальная инфраструктура. Казань имеет историческую репутацию «северного форпоста Ислама»³, а республика является влиятельной частью российского мусульманского сообщества, причем с претензией на роль реформистского авангарда. Последнее связано с тем, что в конце XIX в. татарский ислам прошел реформу («джадидизм»). Это позволяет здешним политикам сегодня говорить о модернизированном исламе, для которого был специально придуман соответствующий пропагандистский термин – «Евроислам». Изобретенный в середине 1990-х гг., он был призван подчеркнуть местную мусульманскую исключительность в понятиях мягкости и толерантности. Политический смысл «Евроислама» заключался в том, что он был разработан как актуальная внешнеполитическая новация, нацеленная на получение дипломатических выгод для татарстанской элиты в 1990-е гг. – период наиболее острого политического противостояния по линии Москва – Казань. Нельзя согласиться с мнением А. Крымина и Г. Энгельгардта о том, что после 11 сентября 2001 г. власти Татарстана превратили доктрину «Евроислама» в средство расширения внешних контактов, а также в инструмент собственной рекламы как силы, способной реализовать позитивное сосуществование мусульман со светским обществом⁴. Думается, что данная доктрина уже выполнила свою роль в 1990-е гг. Утилитарный

аспект «Евроислама» заключался в его антифундаменталистской аргументации. В частности, он был призван оградить имидж республики от пугающих Запад признаков мусульманского радикализма. Об этом еще в 1996 г. на официальном уровне заявил М. Шаймиев: «Наш ориентир, безусловно – Западная Европа. Это для нас особенно важно, этим самым нас не затронет исламский фундаментализм. Нам в данном случае в стратегическом плане выгодно подальше держаться от фундаментализма»⁵. Республиканские власти взяли курс на мягкую и умеренную мусульманизацию татарского общества под опекой властей по образцу кемалистской Турции. Позднее, в августе 2005 г., политический советник Шаймиева, директор Института истории АН РТ Р. Хакимов даже предложил использовать мечеть Кул Шариф не по прямому назначению, а в качестве музея ислама, дабы не «насторожить европейцев»⁶.

В российском экспертном сообществе, а также внутри отечественной мусульманской уммы существуют противоречивые оценки татарстанской «модели», но в большинстве случаев она воспринимается как откровенная государственная опека: модель ислама, патронируемая государством. Светские власти Татарстана в феврале 1998 г. решительно вмешались в мусульманскую жизнь республики и осуществили объединение соперничающих муфтиятов в единый муфтият. Так процессы развития местного исламского сообщества были поставлены под контроль государства. В 2000 г. руководство РТ учредило Российский исламский университет, около половина расходов которого, по информации японского исследователя Кимитаки Мацузато, покрывается из бюджета республики. Объединенному Духовному управлению мусульман Татарстана (ДУМ РТ) республиканские лидеры предоставили особняк в центре Казани. Осуществляется финансовая поддержка ДУМ РТ из республиканского бюджета. Шаймиев дал неофициальное указание главам районных администраций обеспечить строительство мечети в каждом селе⁷. Довершает картину опрос, проведенный уфимским социологом Рушаном Галлямовым, который показал, что мусульманские активисты и лидеры Башкортостана завидуют благополучию своих татарстанских коллег⁸. Отвечая на замечания о том, что опека светскими властями исламского сообщества отрицательно влияет на религиозное сознание мусульман, Рафаэль Хакимов откровенно говорил о том, что целью объединения соперничающих муфтиятов было не развитие исламского сознания, а нормализация общемусульманской ситуации⁹.

Вышеизложенное позволяет сделать некоторые предварительные выводы по поводу Татарстана. У татар слабо выражена исламская солидарность на фоне гораздо более сильно развитой этнической идентичности. По мнению известного аналитика, председателя Исламского

Комитета России Гейдара Джемаля, татарские мусульмане не считают себя частью мировой уммы. Ислам переживается ими как аспект «некоего этносолидарного плана»¹⁰. Как отмечает ректор Казанского исламского университета Р. Мухаметшин, в Татарстане духовное управление мусульман, «хотя и было самостоятельной организацией, развивалось как одна из фракций национального движения»¹¹. Наконец, многие татарские светские и религиозные лидеры выступили против «арабизмов», отстаивая ключевую роль татарского языка как языка мусульманских проповедей. Точнее всех по этому поводу высказался Р. Хакимов, который заявил о том, что в XXI в. окончательно завершится процесс «лингвистической национализации ислама»¹². Даже инициативу по примирению соперничающих общероссийских мусульманских структур – Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМР) под руководством Талгата Таджудина и Совета муфтиев России (СМР) под руководством Равиля Гайнулдина взял на себя исполнительный комитет Всемирного конгресса татар. Примирение состоялось в июне 2005 г. во время торжеств на открытии знаменитой казанской мечети Кул Шариф.

Дагестан: творческая сложность и потенциал исламо-политической самоорганизации

Возрождение ислама в Дагестане в постсоветский период проходило в совершенно иных политических условиях, нежели в Татарстане и в целом в Поволжье. Отличия были обусловлены особенностями развития Северного Кавказа и, самое главное, сложившейся в 1990-е гг. военно-политической обстановкой в регионе. В атмосфере военно-силовой эскалации, связанной, в первую очередь, с конфликтами в Чечне, ислам оказался сильно политизирован. Если говорить о количественных характеристиках мусульманского развития, то Дагестан – самый исламизированный регион России. Ислам начал распространяться в России в VII в. через дагестанский город Дербент, который можно назвать колыбелью российского ислама. Постсоветские десятилетия стали для республики периодом стремительного исламского возрождения. Здесь сосредоточены 23 шейха различных тариқатов (суфийских традиций), 13 исламских теологических вузов, функционирует более 2245 мечетей – более 80% всех культовых мусульманских сооружений России; 80% паломников и столько же культовых сооружений и вузов приходится на республику, где проживает лишь 7% российских мусульман¹³. В Дагестане, где мусульман подавляющее большинство населения, признаки исламского возрождения, создающие мусульманское пространство, заметны сегодня во всех населенных пунктах без исключения.

Помимо приведенных количественных показателей важно отметить качественные характеристики дагестанского ислама. Драматизм дагестанского исламского возрождения заключается в том, что именно в республике кристаллизировались идеи исламской социальной и политической альтернативы. В Дагестане заявили о себе идеологи исламского фундаментализма, такие как бывший в начале 1990-х гг. амиром Партии исламского возрождения Ахмедкади Ахтаев (умер в 1998 г.), сторонник создания на Северном Кавказе исламского государства шейх Багаутдин, руководитель Союза мусульман России Надир Хачилаев. Ислам в Дагестане обладает также внушительным мобилизационным потенциалом. Именно в этой республике в 1997 г. сложился мощный, как принято было говорить, «ваххабитский» джамаат в составе сел Карамачи, Чабанмахи, Чанкурбе и Кадар – так называемая «кадарская зона», которую лидеры местных исламистов объявили «исламской территорией». Имели место попытки установить на указанной территории законы шариата. Другим существенным фактом исламской социальной мобилизации стал телемарафон «Дорога в рай», проведенный в республике в 2007 г. с целью сбора средств на расширение и благоустройство Центральной джума-мечети Махачкалы. Тогда на призыв пожертвовать свои средства откликнулись тысячи мусульман республики, собравших на реставрацию мечети около 30 млн руб. Все это говорит о том, что для местного мусульманского развития характерны массовый охват, творческая сложность и самодостаточность.

«Столкновение исламов»?

Необходимо отметить новую тенденцию, пока не получившую оценки со стороны исследователей. Речь идет о непосредственном столкновении местного татарского и миграционного кавказского исламских факторов. Можно определенно утверждать, что многие представители татарской мусульманской верхушки видят в кавказских мусульманах не столько единоверцев, сколько чужаков, несущих опасность. Еще в 2004 г. нынешний муфтий Пермского края М. Хузин яростно обрушился на мигрантов-мусульман, назвав их не иначе как «воплощением криминала»¹⁴. Боязнь со стороны поволжских исламских функционеров кавказского мусульманского фактора вырвалась наружу и в коллективной форме. В качестве иллюстрации к этому выводу приведем фрагмент из стенограммы встречи полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабича с мусульманскими лидерами округа в апреле 2012 г. По сути дела, налицо обращение татарских исламских лидеров в адрес федеральной власти с жалобой на экспансию кавказского ислама в Поволжье. Стенограмма фиксирует следующий диалог: «М. Бабич: ...А вот скажите, пожалуйста, по поводу переселения

мусульман с Северного Кавказа в Поволжский регион... М. Хузин (председатель ДУМ Пермского края): Есть переселение трудовых мигрантов, к которым мы должны относиться положительно. Но есть переселение по религиозным соображениям. Вот к этому моменту мы, наверное, должны более пристально посмотреть. М. Бабич: А вот сейчас едут к нам – это трудовые мигранты или это по религиозным соображениям или еще какие-то? М. Хузин: Нет. Не трудовые мигранты. М. Бабич: А какой масштаб? М. Хузин: Вот это переселение оно насчитывает всего последние несколько месяцев. М. Бабич: О чем мы говорим, о десятках, о сотнях, сколько их? М. Хузин: О тысячах уже... С учетом того, что все, скажем так, диаспоры между регионами координируют свои действия, мне кажется, на это стоит обратить внимание. И. Файзов (бывший муфтий Татарстана): И это доказательство тому, что во всех волнениях в мечети Кул Шариф были замечены товарищи с Кавказа, в основном дагестанцы, которые представляют некие силы, негативные силы»¹⁵.

Описанный процесс можно рассматривать в качестве особого ракурса политизации поволжского ислама. Этот факт не только свидетельствует о том, что российский ислам имеет ярко выраженные региональные профили и характеристики, но и ставит под сомнение перспективу складывания общероссийской мусульманской уммы. Данный аспект также позволяет выдвинуть вопрос о том, каким станет исламский облик Поволжья в будущем: татарско-старожильческим или диаспорно-мигрантским.

Важный вывод статьи заключается в том, что мусульманская татарская община и мусульманская дагестанская община сильно различаются по темпам и характерным признакам постсоветского исламского развития. Как отмечает Г. Джемаль, для татар типичной является ситуация, когда политика и ислам разведены по следующим линиям: политика связана с национальным самосознанием, а ислам – с конфессиональным. В отличие от такой модели, дагестанские мусульмане исходят из того, что они являются частью мировой исламской уммы, а политика и ислам тесно связаны.

Суммируя вышесказанное, мы обнаруживаем парадоксальную ситуацию. Ортодоксальная дагестанская версия раннего шафиитского ислама функционирует на самом деле как демократический фактор. Республика отличается силой территориальных мусульманских общин в лице самостоятельных джамаатов. На этом фоне оцениваемая как более современная и более либеральная версия ханафитского ислама в Татарстане существует на самом деле как инструмент светских властей республики. Такой результат не может оцениваться положительно или отрицательно. Он – продукт многовековой трансформации поволжского магометанства, духовные управления которого традиционно находились под контролем государства.

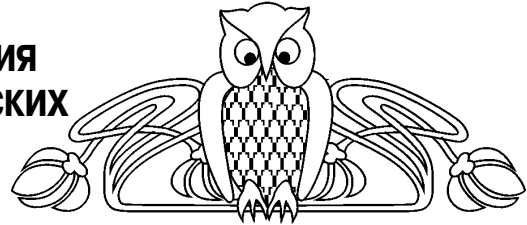

Примечания

- 1 См.: *Yemelianova G.* Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation // *Nationalities Papers.* 1999. Vol. 27, № 4. P. 605–629 ; *Малашенко А.* Два несхожих ренессанса // *Отеч. зап.* 2003. № 5. С. 56–65. Интересный факт: в 1997–1998 гг. в Центре российских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета (Англия) под руководством доктора Хилари Пилкинтона выполнялся научный проект «Ислам в Дагестане и в Татарстане».
- 2 См.: *Вилков А. А.* Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.
- 3 См.: *Мацузато К.* Дискурсы и поведение мусульманских деятелей Волго-Уральского региона. Влияние региональных образов самовосприятия и стратегии областных администраций // *Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход : сб. ст. / под ред. К. Мацузато.* М., 2007. С. 118–158.
- 4 См.: *Мухарьямов Н.* Ислам в Поволжье : политизация несостоявшаяся или отложенная? // *Там же.* С. 64–65.
- 5 *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). М., 2000. С. 153.
- 6 *Мацузато К.* Указ. соч. С. 133–134.
- 7 См.: *Мухарьямов Н.* Указ. соч. С. 13–70 ; *Мацузато К.* Указ. соч. С. 131.
- 8 См.: *Галлямов Р.* Исламское возрождение в Волго-Уральском макрорегионе : сравнительный анализ моделей Башкортостана и Татарстана // *Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход.* С. 71–117.
- 9 Цит. по: *Мацузато К.* Указ. соч. С. 132.
- 10 *Джемаль Г.* Освобождение Ислама. М., 2004. С. 199.
- 11 *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005. С. 250–251.
- 12 *Хакимов Р.* Где наша Мекка? Казань, 2003. С. 20, 21.
- 13 См.: *Ибрагимов М.-Р., Мацузато К.* Чужой, но лояльный : причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // *Полис.* 2005. № 3. С. 102–115 ; *Matsuzato K., Ibragimov M.-R.* Islamic Politics at the Sub-regional Level in Dagestan : Tariqa Brotherhoods, Ethnicities, Localism and Spiritual Board // *Europe-Asia Studies.* Glasgow, 2005. Vol. 57, № 5. P. 753–779 ; *Ibragimov M. R., Matsuzato K.* Contextualized Violence : Politics and Terror in Dagestan // *Nationalities and Ethnicity.* 2014. Vol. 42, iss. 2. P. 286–306.
- 14 *Мухарьямов Н.* Указ. соч. С. 37.
- 15 О чем говорят российские муфтии. Отрывок стенограммы встречи полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе с представителями мусульманского сообщества 26 апреля 2012 г., г. Оренбург. URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891 (дата обращения: 28.05.2012).

УДК 323.22/28

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА СЕВЕРНОМ КAVКАЗЕ

А. Р. Салгириев

Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный
E-mail: 010585@list.ru

Рассматриваются методологические основания, проблемы и особенности политического управления на Северном Кавказе. Исследуются этнополитическая ситуация в регионе, политические элиты и иные акторы. Освещены некоторые причины политической напряженности в регионе, выработаны механизмы ее решения и рекомендации.

Ключевые слова: технологии, политическое управление, Северный Кавказ, этнос, конфликты, элиты.

Technology Policy of the Regional Political Processes in the North Caucasus

A. R. Salgiriev

The methodological base, problems and peculiarities of political control in the North Caucasus. We study the ethno-political situation in the region, the political elites and other actors. We highlight some of

the causes of political tensions in the region, to develop mechanisms for decisions and recommendations.

Key words: technology, political governance, North Caucasus, ethnicity, conflict, elite.

DOI: 10.18500/1818-9601-2015-15-3-99-102

Под технологией обычно понимается система последовательных процедурно стандартизированных контролируемых действий (операций), осуществляемых ради достижения заранее определенной цели и пригодных для воспроизводства. Политической технологией является технология, применяемая для достижения политических целей. Структура политической технологии предполагает планирование, организацию, мотивацию, контроль, оценку, реализованные в определенный период времени.

Самым популярным и продуктивным методологическим основанием в отечественных исследованиях по политическому управлению